

Оксана Назарова

О методологии исследования «камерных» образцов философского творчества: на примере публикаций Семена Франка о Максиме Горьком¹

И в капле воды отражается мир

Работа по реконструкции творческого наследия С.Л. Франка после переиздания его основных философских произведений в 1990-2001 годах² теперь ведется путем кропотливого разыскания, при необходимости перевода на русский язык и опубликования его многочисленных статей, рецензий, заметок, некрологов, разбросанных по разным печатным изданиям, как российским, так и зарубежным³. Поскольку многие из этих работ в прямом смысле слова представляют собой образцы «малого» текстового наследия философа, возникает вопрос о ценности данного материала, ведь кажется, что в них просто кратко повторяются те идеи, которые он подробно обсуждает в своих крупных произведениях. Соответственно, они не играют решающей роли в изучении философии Франка. И хотя даже простая количественная характеристика – около 330 журнальных и газетных публикаций различного объема и жанровой направленности⁴ – не позволяет «закрывать глаза» на эти формы философской деятельности Франка, этого недостаточно для обоснования ее значимости⁵.

Ссылаясь на принцип, что «всякая методология основана на своеобразии предмета»⁶, а таковым для нас является творчество философа в его конкретной органической целостности, мы будем исходить из того, что часть непременно должна рассматриваться на фоне целого и адекватное уяснение ее содержания

¹ Термин «камерный» используется автором в значении «миниатюрный», «малый».

² Крайние «точки» очерченного периода составляют сборники *Непостижимое* (1990) и *Непрочитанное* (2001).

³ Особая и весьма значимая тема в исследовательской работе – поиск и опубликование архивных материалов – будет здесь оставлена без внимания.

⁴ Данные почерпнуты мною во вступительной статье к Полному собранию сочинений Франка. Том 1. С. VII (Аляев Г.Е, Антонов К.М., Резвых Т.Н. М., 2018). Более подробно см.: Библиография произведений С.Л. Франка и исследований, посвященных его творчеству (Семен Людвигович Франк / Составитель Оксана Назарова. М., 2012. С. 495-571).

⁵ Предпринимаемая здесь попытка обоснования значимости «малого» философского творчества может быть распространена и на наше время, поскольку этот формат является доминирующим в работе современного философа.

⁶ Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М., 1922. С. 5.

без учета подобного соотношения невозможно, а также что в составе органического целого часть является репрезентантом целого⁷. Содержание малого текста, даже если оно затрагивает «редкие» темы, которые не получили достаточного развития в философском творчестве автора, выводит исследователя на широкие просторы и открывает более значимые тематические пласты, т. е. в исследовательской работе происходит статическое расширение содержания «малого» текста. Также «малые» работы манифестируют эволюцию творчества философа – они выступают в качестве связующего звена между различными периодами его творчества, демонстрируя развитие тех идей, которые были высказаны на предыдущих этапах, и «зародыши» тех идей, которые были развиты в последующем. Принимая во внимание этот момент, исследователь осуществляет эволюционное расширение содержания малого текста.

Отношение Франка к Горькому

Бросая в «Предсмертном»⁸ ретроспективный взгляд на эпоху, в которой ему пришлось жить, Франк пишет, что судьба сталкивала его «с людьми, о которых будущий историк скажет, что это были самые значительные люди этой эпохи»⁹. К одним из таких людей, оставивших след в истории начала двадцатого века, несомненно, может быть отнесен Максим Горький. О состоявшемся в Нижнем Новгороде в 1897 (или 1898) году личном знакомстве с ним и последовавших затем в 1901-1902 годах встречах в Ялте Франк вспоминает в том же «Предсмертном», сопровождая эти факты скупым комментарием о том, что писателя сгубила мировая слава. Также философ посвятил ему две небольшие работы, написанные в связи с кончиной писателя в 1936 году, – некролог «Максим Горький» в журнале *Hochland*¹⁰ и статью «Максим Горький и марксизм», опубликованную в католическом журнале *Der Gral*¹¹.

Создается впечатление, что фигура Горького как марксистского писателя мало привлекала Франка и что отношение к нему может рассматриваться лишь как периферийный момент в более широкой теме – в теме осмысления и критики марксизма. Однако если применить указанный выше методологический принцип

⁷ Данная методология уже была мною анонсирована в работе «Великий разрыв» (Очерк творчества С.Л. Франка (1877-1950) в изгнании – 1922-1950 гг.) (Энциклопедия русской эмиграции. М., 2012. С. 182-253).

⁸ Рукопись, написанная в 1935 году, была впервые опубликована в 1986 году в *Вестнике РСХД* (Париж, 1986. № 146. С. 103-124).

⁹ Франк С.Л. Предсмертное // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 40-41.

¹⁰ О журнале *Hochland* см. подробнее в публикации: Назарова Оксана. Тема старчества в публикациях С.Л. Франка (Вестник славянских культур. М., 2012. № 1 (XXIII). С. 12-20).

¹¹ О журнале *Gral* см. подробнее: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 686-687.

исследования, который можно обозначить как «многое в малом»¹², становится очевидным, что проблематика отношения Франка к Горькому открывает для нас и позволяет объяснить целый пласт философско-публицистической деятельности, которой философ активно занимался в немецкий период своей эмиграции – с 1922 по 1937 годы. А именно публикацию множества статей, посвященных высшим достижениям русской духовной и религиозной культуры, в которых он стремился описать основные черты русского мировоззрения и русской души, обрисовать идеальный облик русского народа и тех, в ком он нашел свое совершенное выражение – писателей, философов, старцев, святых.

Известно, что в период своего духовного становления, проживая в Нижнем Новгороде, Франк находился одновременно в двух противостоявших друг другу и резко дискутировавших друг с другом лагерях – народников и марксистов. Это мировоззренческое противостояние укладывается в оппозицию отцов и детей, поскольку к народникам принадлежали люди более старшего поколения, а зарождавшийся тогда марксизм набирал популярность среди молодежи, находившей в нем прогрессивное мировоззрение, жаждущей радикальных общественных преобразований путем революции, а также героизма и подвига¹³. Не в последнюю очередь под влиянием Петра Струве, ставшего ему лучшим другом, Франк отдает предпочтение марксизму, а принадлежности к народничеству начинает чураться¹⁴.

Возникает вопрос о том, что произошло в эмиграции? Философ отказывается от своего юношеского увлечения марксизмом в пользу «веры отцов» – народничества? Или более того – маятник качнулся в сторону национализма и Франк, солидаризуясь с критиковавшимся им когда-то Эрном, начинает защищать исключительность русского народа? Избежать подобных поверхностных и скоропалительных заключений и понять причины обращения Франка к «народной теме» как раз и помогает фигура Максима Горького.

¹² Данное определение заимствовано у русского композитора Владимира Ребикова, обосновавшего с его помощью легитимность малых (камерных) форм в музыке. См.: Бондаренко Е. Малые формы в творчестве Владимира Ребикова (к вопросу о камерности мышления). Элиста, 2014 // База знаний allbest. https://knowledge.allbest.ru/music/2c0b65625b3ac79b5c53b88521206c27_0.html.

¹³ В «Предсмертном» Франк вспоминает о том, что после разрыва с марксистским кружком его заклеили «предателем» и «трусом», «ибо полагалось, что всякий мужественный человек должен быть революционером, и выход из их состава объяснялся только трусостью, отказом от подвига» (С. 46).

¹⁴ Письма С.Л. Франка к Н.А. и П.Б. Струве (1901-1905) // Путь. Международный философский журнал. М., 1992. № 1 (2). С. 263-311. См, например, письмо к П.Б. Струве от 29.08.1901.

Горький о русском крестьянстве

В 1922 году в Берлине в издательстве И.П. Ладыжникова на русском языке увидела свет работа Горького «О русском крестьянстве»¹⁵. Поскольку крестьянство в то время составляло 80% населения России, сделанные писателем заключения следует отнести к русскому народу как таковому.

Отступая от идеалов своей юности¹⁶, Горький обрушивается с критикой на «литературу народолюбцев»¹⁷, служившей целям агитации и потому идеализировавшей русского мужика. Ссылаясь на свои собственные впечатления от общения с крестьянами, на свидетельства историков, а также на народный фольклор как форму культуры, в которой нашло свое выражение крестьянское мировоззрение, писатель приходит к заключению о том, что реальный образ в корне отличается от того «добродушного, вдумчивого русского крестьянина, неумолимого искателя правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века»¹⁸.

Географические и природные условия существования крестьянина в России, когда сама «безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, покрытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания»¹⁹, тяжесть, цикличность его труда при полном отсутствии видимых и прочных результатов являются причиной того, что народ, воспринимая «труд пахаря как на проклятие Божье»²⁰, превратился в инертную, пассивную и патологически ленивую массу. «Народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей»²¹.

Не изжитый в русском крестьянине «инстинкт кочевника» в тех условиях, когда вокруг лежит бескрайняя равнина, «соблазнительно манящая вдаль», приводит к тому, что у него отсутствует желание «укрепиться на избранной точке» и начать культурно преобразовывать окружающую его среду²². А если он решается на это, то его ждет «тяжелая и бесплодная борьба», и потому «человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, выработать из опыта своего идеи»²³. Как следствие – «жуткая деревенская

¹⁵ Максим Горький. О русском крестьянстве. Берлин, 1922.

¹⁶ В «Этике нигилизма» Франк упоминает высказывание из повести Горького «Исповедь» (1908) «Бог – это народушко». (Цитируется по: Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 174.)

¹⁷ Горький. О русском крестьянстве. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 9.

темнота»²⁴, полное отсутствие культуры, невежество и даже – вопреки расхожему мнению, наглядно опровергнутому революцией, – безбожие.

По мнению Горького, бескультурье русского народа находит свое выражение не только в отсутствии в деревне объектов материальной культуры – этой основанной на разуме «второй природы», но – что обладает еще большим негативным значением для общественного развития – в «неодолимом консерватизме деревни», отторгающей не только любые формы прогресса, но и государство как таковое, в силу своего изначального анархизма мечтающей «о государстве без власти над человеком», «без права влияния на волю личности, на свободу ее действий»²⁵. «Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма, т. е. жизни в «слепоте» разума, повинуюсь инстинктам»²⁶.

Неготовность нашего народа «для событий»²⁷ особенно ярко проявилась в том, как русское крестьянство отреагировало на прогрессивное общественное изменение – социалистическую революцию, совершенную «образованной группой интеллигенции во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих»²⁸, «мужественно пытавшейся поднять на ноги тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле»²⁹. Однако живя собственническими инстинктами и утилитарными стремлениями, ценя только «внешнее, материальное благополучие жизни»³⁰, деревня не просто отторгла новую идеологию, которая объясняет «все грехи людей силой именно этого инстинкта», не просто активно саботировала нововведения, но именно она – в силу обусловленного ленью желания нажиться за чужой счет и своей врожденной изощренной жестокости – является истинной причиной как зверств революции, так и ужасающего голода, пряча хлеб и сокращая посевы.

Горький называет «ложью и клеветой» обвинения в «зверствах», адресованные вождям революции, группе наиболее активной интеллигенции. С его точки зрения, нельзя считать «мучителями народа» тех, «кто взял на себя каторжную, геркулесову работу очистки авгиевых конюшен русской жизни». «Они – скорее жертвы»³¹.

Таким образом, для Горького в России, в стране с неразвитыми капиталистическими отношениями, именно крестьянин-собственник становится аналогом мелкого буржуа и потому врагом «горожанина» – разумного, свободного и деятельного человека *западного образца* и выражающей его мировоззрение партии, и именно с ним следует бороться во имя победы прогрессивной пролетарской

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ Там же. С. 43.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Там же. С. 11.

³¹ Там же. С. 42.

идеологии. «Полудикий» крестьянин еще «дорого заплатит», ведь «трагедия не кончена»³². «Революция стальным плугом взбороздила всю массу народа так глубоко, что крестьянство уже едва ли может возвратиться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни; как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей»³³, – заключает писатель.

Переводилась ли эта статья Горького на иные языки? Была ли она известна западноевропейцам? И могла ли она оказать влияние на восприятие ими революции в России? Ответить на эти вопросы не представляется возможным. Но как показывают отчеты общества «Die russische Bruderhilfe», издававшего журнал *Liebet einander*, в котором были напечатаны многие из означенных выше «народнических» статей Франка³⁴, восприятие на Западе революции в России и отношение к страданиям русского народа было во многом созвучно отношению Горького, изложенному им в указанной статье. На Западе многие восприняли революцию 1917 как явление типично русское. Считалось, что закрытие и разрушение церквей, гонения на священников и верующих и т.п. мероприятия советского правительства совершаются с одобрения большинства населения России. Общество стремилось к тому, чтобы «пытаться достучаться до людей и пробудить их ото сна», рассказывая «о церкви Иисуса Христа и страданиях великого народа»³⁵. В отчете о его деятельности за 1936 год читаем: «Многие области полностью вымерли во время голода, превратились в "очаги ужаса". Никакая "Лига прав человека", ни один союз народов не хочет этого замечать. В первые годы большевистского господства 5 миллионов умерло с голода. И лишь в 1933 году началась, наконец, акция помощи»³⁶. В своих просветительских мероприятиях общество обращало внимание на то, что «коммунизм в России не достиг своей цели и не укоренился в народе» и что русский человек религиозен по своей сути.

Нельзя исключать того, что в среде русской эмиграции статья Горького имела резонанс и что Франку она тоже могла быть известна. Тогда множество и многообразие его «народнических» статей поддается истолкованию в качестве своеобразного «ответа» Горькому и противостояние ему могло быть намного более серьезным, чем о том говорится в «Предсмертном».

³² Там же. С. 43.

³³ Там же. С. 43-44.

³⁴ Для «*Liebet einander*» с 1933 по 1935 гг. Франком были написаны в общей сложности 17 статей. Подробнее об обществе и журнале см.: Назарова Оксана. Неизвестные публикации Семена Людвиговича Франка в журнале «*Liebet einander*» (Философские науки. М., 2007. № 2. С. 5-9).

³⁵ *Liebet einander*. Lemgo, 1936. № 5. P. 78.

³⁶ *Liebet einander*. Lemgo. 1935. № 12. P. 191. (Журнал *Liebet einander* здесь явно ошибается. Западная помощь голодающим в России, в которой участвовала, главным образом, American Relief Administration (ARA), началась уже в 1921 году – прим. ред.)

Реализм культурно-платонический vs. реализм эмпирический

С целью обоснования ужасающих, но, по его мнению, правдивых заключений касательно русского народа Горький апеллирует к *реальности*: к своим впечатлениям, полученным в период «хождения в деревню», к разговорам с людьми, чтению хроники. Отношение к подобному толкованию реальности Франк очень точно и емко сформулировал в своей статье 1908 года «Преодоление трагедии», характеризуя творческое кредо Леонида Андреева. Критикуя стремление литературы (с легкой руки Андреева) выдать установку акцентирования различного рода жестокостей, страдания и нездоровых состояний за «отражение жизни», Франк указывает не только на «неизбежный субъективизм» искусства, обуславливающий тот факт, что каждый «воспринимает ужасы жизни на свой лад» и склонен либо преуменьшать, либо преувеличивать их, но и на то, что подобное толкование реальности понимает под ней *лишь лежащее на поверхности*, что приводит к установке увековечивания, а не преодоления трагедии. Реализм Франка с самого начала основывался на ином понимании реальности, что обуславливало в том числе и иное отношение к русскому народу. Для того, чтобы понять «народничество» Франка, следует расширить горизонты: вернуться к истокам – к самым первым его философским работам, и принять во внимание одно из самых поздних его творческих деяний – прочитанные на Би-би-си в 1946 году лекции на тему взаимоотношения русской и немецкой культуры³⁷.

В своей работе «Фр. Ницше и этика любви к дальнему», подготовленной после свершившегося в нем духовного поворота для сборника *Проблемы идеализма* (1902), и руководимый декларируемым самим Ницше принципом свободного и духовно-творческого восприятия его учения³⁸, Франк разъясняет суть ницшевской критики утилитаризма, составляющего содержание понятия «любовь к ближнему», а также дает толкование используемым философом понятиям «любовь к дальнему» и «сверхчеловек».

В статье «Этика нигилизма» (1909) вдохновленный этическим радикализмом Ницше Франк направляет острие своей критики на остававшееся в течении многих лет сущностно-неизменным мирозерцание русской интеллигенции, имя которому «народничество», и использует при этом разъясненную им в первом

³⁷ Благодаря стараниям с. Т. Оболевич и А.С. Цыганкова в настоящее время опубликованы две лекции данного цикла: «Живая Европа: Исток и сущность русского марксизма» (Вопросы философии. 2017. № 6. С. 92-104) и «Маркс и Пугачев» (Философский журнал. 2017. Т. 10. С. 59-71).

³⁸ Франк приводит в этой связи цитаты из «Так говорил Заратустра» и «Радостной науки»: «С замечательно выразительностью и изяществом он [Ницше] высказывает свой взгляд на желательное ему отношение к его идеям в одном четверостишии "Радостной науки", носящем название "Истолкование" (Interpretation): «Объясняя себя, я только углубляю себя: я не могу быть сам своим истолкователем. Но кто идет вперед по своему собственному пути, тот вознесет и мой образ к более яркому свету»». (Франк С.Л. Фр. Ницше и этика любви к дальнему // Франк С.Л. Непостижимое. М., 1990. С. 16-17.)

сборнике методологию. Облаченное в разные формы, народничество в любой из них сохраняет свой «духовный склад»³⁹, который поддается описанию при помощи ницшевских понятий «любовь к ближнему» и «утилитаризм». Единственным достойным и оправданным объектом поклонения и служения, т. е. «любви», им объявляется «ближнее» – народ как коллективное «ты». Смысл народнической этики сугубо утилитарный и состоит в удовлетворении нужд «большинства», в первую очередь материальных, в которых усматривается содержание «народного счастья»⁴⁰. Фанатично призывая личность вплоть до самоотречения служить не абсолютным ценностям, а «по существу равноценным с ними (или равно ничтожным) субъективным интересам "ты" – хотя бы и коллективного»⁴¹, народничество вкладывает в души своих сторонников ложные идеалы опрощения, стремясь не просто «превратить всех людей в "рабочих"», но – что намного опаснее – требуя от них опрощения духовного, т. е. отказа от «самоценных духовных запросов»⁴² и сведения к минимуму высших потребностей. Неизбежным следствием нигилизма в отношении абсолютных, высших духовных начал жизни и поклонения ложному Богу («Бог суть народушко»⁴³) неизбежно следует нигилизм культурный – русскому интеллигенту «чужда и отчасти даже враждебна» чистая идея культуры, которой «вдохновляется европеец». Понятая в отличие от социалистического народничества, изначально тендирующего к революционизму, не как распределение культурных благ, а как возвышающее и личность, и народ культурное творчество, именно она является адекватным содержательным наполнением понятия «дальнее», которое следует «любить» и которое достойно служения. «Любовь к "небу"», т. е. признание вышей, духовной реальности – начала, «в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа», «заставляет человека совершенно иначе относиться к "земле" и земным делам»⁴⁴. Им руководит не идея разрушения, но идея созидания – совершенствования человеческой природы, воплощения в жизни идеальных ценностей, «многосторонняя работа поднятия коллективного бытия на объективно-высшую ступень»⁴⁵.

Утилитаризм (=эмпиризм) и материализм побуждают народническую интеллигенцию видеть в народе исключительно объект поклонения, интересы и нужды которого нужно удовлетворить. Однако расширение индивидуального «я» в любых масштабах не превращает его в Абсолют и, соответственно, не наделяет его безусловной значимостью. Обращение к народу с позиции «религиозного

³⁹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 179.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 173.

⁴² Там же.

⁴³ Высказывание Максима Горького из повести «Исповедь».

⁴⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 171.

⁴⁵ Там же. С. 177.

гуманизма»⁴⁶ позволяет увидеть в нем духовную творческую реальность, более конкретное определение которой Франк дает уже в эмиграции – «дух народа»⁴⁷. Духовное бытие есть бытие в Боге, с Богом. Соответственно, «дух народа» – это идеальный образ народа, данный ему Богом, а, значит, *положительный* его образ. Понятие культуры, как оно было сформулировано Франком в «Этике нигилизма», есть не только идеал, то «дальнее», к которому нужно стремиться, но и выражение этой духовной реальности – творческой силы народного духа. «Народничество» Франка иного типа – оно не обожествляет, но высоко ценит внутреннюю духовную сущность народа и основывается не на принципе покаяния перед ним, составлявшего идеал народников первой волны, а также не на принципе распределения культурных благ, как к тому призывают марксисты, а на принципе служения религиозно-культурным основаниям народного духа. Это служение осуществляется путем культурного творчества как сотворения культурных богатств, которые тоже надо учиться любить.

Следуя своему утверждению, высказанному в работе «Фр. Ницше и этика любви к дальнему», согласно которому идея «сверхчеловека» ничего не прибавляет к этике «любви к дальнему», а есть лишь ее образное выражение, Франк в «Этике нигилизма» оставляет ее без внимания. Я полагаю⁴⁸, что уяснить, каким образом Франк трактует данное понятие Ницше, становится возможным, если обратиться к первой лекции из цикла его выступлений на Би-би-си под названием «Живая Западная Европа: Россия и Западная Европа в русском мышлении»⁴⁹.

Рассуждая в рамках общей проблемы взаимоотношения России и Западной Европы, которая имеет прямое отношение и к нашей исходной теме – отношения Франка к Горькому, поскольку тот в своей статье 1922 года, противопоставляя цивилизованность западного горожанина дикости русского крестьянина, работает как раз в рамках данной оппозиции, – Франк высказывает мысль, что за внешними эмпирическими различиями народов и культур в области духовных оснований жизни обнаруживает себя общность, которая находится по ту сторону всяческих различий и которую он – здесь уже указывая на Достоевского – называет «всечеловеком». Принимая во внимание тот факт, что в 1946 году сослаться на Ницше в обращении к немецкой аудитории было бы совершенно неуместно, рискну высказать предположение о том, что здесь происходит трансформация

⁴⁶ Там же. С. 206.

⁴⁷ См., к примеру, статьи Франка «Русское мировоззрение» (*Die russische Weltanschauung // Kantstudien. Berlin-Charlottenburg, 1926. № XXXI. Серия: Philosophische Vorträge der Kantgesellschaft. № 29; В переводе Г. Франко издано: Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 161-195*) и «Взаимосвязь русского и немецкого народного духа» (*Die russische Geistesart in ihrer Beziehung zur deutschen // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под редакцией М.А. Колерова. М., 2000. С. 131-164*).

⁴⁸ Здесь я руководствуюсь творчески-интерпретаторским принципом отношения к учению Ницше, на который ссылается Франк в «Фр. Ницше и этика любви к дальнему».

⁴⁹ Автор благодарит с. Терезу Оболевич за предоставленную рукопись данного выступления, которая готовится к публикации Г.Е. Алеявым и Т.Н. Резвых.

нищевского понятия «сверхчеловек», понимаемого как квинтэссенция «духовного развития человечества, высшая степень расцвета, на которую способны содержащиеся в современном человеке духовные зародыши»⁵⁰, в понятие «всечеловек», толкуемого как высшее, основанное на христианстве культурное единство европейских народов. Призвание каждого из участников этой общности состоит в том, чтобы внести свой вклад в ее копилку. В этом заключается «всечеловеческое» значение развития любой национальной культуры. Россия вносит свой вклад в формирование «всечеловека», предъявляя Западу лучшие образцы своего духовного христианского творчества. Решению этой задачи как раз и были посвящены статьи Франка, рассказывавшие о достижениях литературы, христианской культуры и философского мышления русского народа.

Каждый, кто входит в состав культурного «сверхчеловека», может быть полезным другому и – дополню – потому имеет право быть услышанным. В работах «Крушение кумиров» (1924) и «Основы марксизма» (1926)⁵¹ Франк упоминает, что русские философы-эмигранты рассматривали себя в качестве посланников, прошедших через жерло революции, посредством которой произошло воплощение в жизнь идеологии марксизма, и потому обладавших уникальным опытом, которым они могли бы поделиться с Западом⁵². Послание русских философов состояло в призыве войти во «всечеловека» за счет отказа от радикальных форм развития западной духовной культуры, таких как социализм, марксизм, революционизм, религиозный нигилизм, сформировавшихся в качестве реакции на утопический рационалистический оптимизм 18-го века, и возвращения к своим религиозным и мистическим началам⁵³. В этом смысле критические исследования марксизма, написанные Франком уже в эмиграции, можно рассматривать как продолжение критики мировоззрения радикальной интеллигенции, начатой им в *Вехах*. На этот раз объектом критики становится уже западное интеллигентское сознание. Франк обращается к западному читателю в надежде, что его услышат⁵⁴.

⁵⁰ Франк С.Л. Фр. Ницше и этика любви к дальнему // Франк С.Л. Непостижимое. М., 1990. С. 56.

⁵¹ Автор благодарит с. Терезу Оболевич за предоставленную ксерокопию этой работы Франка, которая пока в России не была переиздана.

⁵² «В оценке социализма и марксизма мы – призванные учителя Европы» (Основы марксизма. С. 4).

⁵³ Так, например, в своей работе «Взаимосвязь русского и немецкого народного духа» Франк указывает на то, что «родство русского и немецкого духа как раз и состоит в их общей религиозно-метафизической склонности» (Die russische Geistesart in ihrer Beziehung zur deutschen // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год / Под редакцией М.А. Колерова. М., 2000. С. 131-164, здесь с. 152).

⁵⁴ Одним из тех, кто услышал его призыв, является, к примеру, Петер Элен, который, по его собственным словам, заинтересовался философией Франка, поскольку именно она среди множества философских направлений послевоенной Европы была способна «научить новому обоснованию гуманизма» и предоставить «"интеллектуальное оружие" против набирающего силу атеизма». (Цыганков А.С. Петер Элен как исследователь философского наследия С.Л. Франка // Петер Элен. Онтология и антропология С.Л. Франка. М., 2017. С. IX-X.)

Максим Горький и марксизм

Как часть франковского послания Западу можно рассматривать и его аналитику жизни и творческой эволюции Максима Горького, представленную в упомянутых статьях 1936 года. Будучи известной и весьма популярной у западноевропейцев фигурой, писатель мог послужить наглядным примером негативных последствий верности марксистской идеологии и проверкой на правильность того мировоззрения, которое Франк подверг критике в «Этике нигилизма».

«Дух народа» как его идеальный образ находит свое выражение в творчестве людей, наделенных богатым внутренним чутьем, благодаря которому они способны его увидеть, и обладающих даром художественного слова для того, чтобы его описать. Речь идет, в первую очередь, о гениальных литераторах, «ибо гений [...] есть всегда самое яркое и показательное выражение народной души в ее субстанциальной первооснове»⁵⁵. В глазах советских людей наиболее адекватным выразителем души русского народа являлся «пролетарский» поэт Максим Горький, да и на Западе за ним прочно закрепилась слава «великого русского писателя». Казалось, что именно ему, вышедшему из народа, дано было почувствовать подлинную его суть и именно его творчество позволительно рассматривать как вложение в культурную копилку всечеловечества. Франк отрицает подобное утверждение. В оппозиции Горькому происходит дальнейшее прояснение его понимания культуры.

В работе «Максим Горький» Франк обращает внимание на то, что будучи связанным со старой литературной традицией «народников» и введенный в русскую литературу народником Короленко, Горький в силу своего происхождения «из городского пролетаризированного мещанства» и странствующего образа жизни в ранней юности оказывается духовно связанным с определенного типа людьми – бродягами, «босьяками», лишенными собственности, корней и каких-либо привязанностей. «Идеализируя этот тип человека, восславляя его в качестве примера духовной свободы, жизненного мужества и смелости», Горький избирает его и в качестве примера той социальной силы, которая оказывается способна к социально-культурному творчеству.

Франк показывает, что дело обстоит с точностью до наоборот. «Отсутствие социальных и духовных привязанностей, освобождение от любой связи с традиционными ценностями и жизненными условиями» приводит к тому, что этот человек обнаруживает свою «творческую мощь» лишь в явлениях революционизма и анархизма, которые на самом деле ничего не создают, а лишь разрушают. Основой подлинного культурного творчества, в том числе и социального, может быть именно связь с традицией и наличие собственности, привязанность к земле,

⁵⁵ Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 213-226, здесь с. 213.

которая есть у крестьянина⁵⁶. Лишенный солидаризирующего начала собственности раб – а Горький восхваляет как раз нечто подобное «восстанию рабов» – «всегда эгоист», «зверь, думающий только о себе и готовый всегда вредить своему ближнему»⁵⁷.

Оторванность от родной почвы за время долгого проживания за границей, разрыв с воспитавшей его как русской, так и западноевропейской литературной традицией, сближение с политической партией русских социалистов и увлечение марксистской пропагандой приводит к тому, что в Горьком постепенно умирает творец⁵⁸. Он теряет непосредственное чутье жизни, позволившее ему создать работы, захватывавшие своей «реалистической свежестью» и потрясшие весь мир.

Чувство ненависти, образующее «конкретную и действенную психологическую основу» жизни как идеализируемого писателем типа человека, так и его самого, определило судьбу писателя и привело к тем последствиям, о которых Франк предупреждал еще в *Vexaх*, когда он писал, что «из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устроению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером»⁵⁹. Изначально критически восприняв революцию, Горький все же почувствовал в ней воплощение героических мечтаний своей юности об уничтожении всего старого жизненного порядка, что позволило ему примириться с руководителями нового государства и, «используя свой авторитет», санкционировать «бесчеловечную и бессмысленную тиранию Сталина» – реальное воплощение той установки по отношению к русскому народу, которую он озвучил в своей статье 1922 года.

Свою работу «Этика нигилизма» Франк заканчивается призывом перейти от «непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма» к «творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму»⁶⁰. В статьях о Горьком, избирая его в качестве наглядного примера, он показывает правоту своих заключений и повторяет призыв: «Мечта о духовном обновлении жизни на путях отрицания и восстания потерпела крушение в душе русского народа. Будущее целиком и полностью принадлежит истинному – а именно религиозному – возрождению».

⁵⁶ Высоко оценивая значение собственности, Франк опять-таки не возвращается на позиции раскритикованного им в юности народничества, поскольку данная оценка лишена у него утилитарной направленности. Собственность для него есть символ связи с традицией, а также основа подлинной свободы и социальной солидарности.

⁵⁷ Основы марксизма. С. 17.

⁵⁸ Идея, вокруг которой выстраивается написанный Франком некролог «Максим Горький и марксизм».

⁵⁹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1992. С. 185.

⁶⁰ Там же. С. 206.